

24.11.99.

Век елласа - 1999 - 24 нояб - сс

Формула совершенства

65 лет назад родился Альфред Шнитке

Слово «великий» меркнет перед зыбкой, призрачной красотой его музыки. В последние годы один за другим ушли Альфред Шнитке, Эдисон Денисов, Георгий Свиридов и Валерий Гаврилин — все крупные композиторы современности. Отечественная музыка, как и поэзия после смерти Иосифа Бродского, оказалась в состоянии безысходной пустоты. В день памяти Альфреда Шнитке вспоминаются не пафосные фрагменты биографии композитора, а эпизоды, в которых предстает человек и художник...

Наталья КОЛЕСОВА

Руки прочь от поэмы Пушкина!

В застойные 70-е годы дирекция «Гранд-Опера» пригласила режиссера Юрия Любимова и дирижера Геннадия Рождественского на постановку оперы П.И.Чайковского «Пиковая дама». Они привлекли к работе сценографа Давида Боровского и композитора Альфреда Шнитке. Участие последнего, видимо, и повлекло за собой все те тайные и явные недоброежелательности, которые, как известно, влечет пиковая дама. Считая либретто Модеста Чайковского надуманным и фальшивым по отношению к оригиналу, постановщики постарались сюжетно и музыкально вычленив главную тему, вдохновлявшую композитора: как страстью к игре и жадной мгновенного обогащения губится любовь к женщине. Шнитке не изменил ни одной ноты (в отличие от революда Мейерхольда и дирижера Мосуда в свое время). Сократив некоторые массовые сцены, знаменитую арию Елецкого и куплеты Томского, он написал delicate музыкальные связи для чембало (клавесина, чье сверчковое звучание весьма соответствовало духу времени пушкинской

повести). «Шнитковский клавесин, сопровождавший речитативы, добавил стремительности течению действия гениальной оперы», — считал Юрий Любимов. «Пиковая дама» динамизировалась и имела все шансы завоевать Европу.

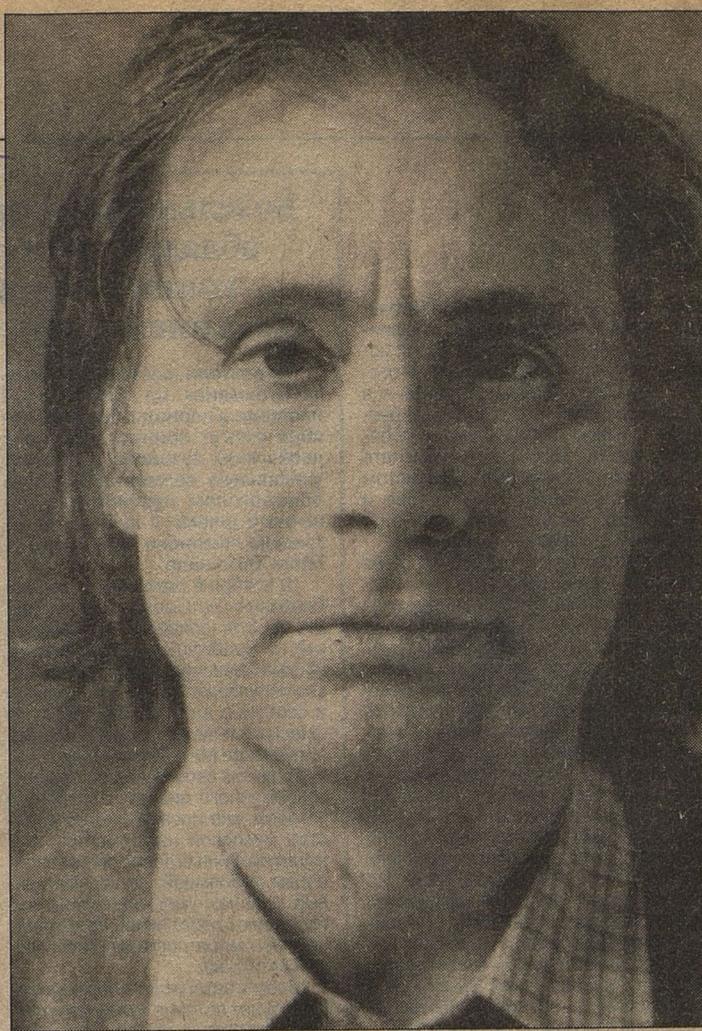
Тут-то и разразился скандал. В «Правде» появилось письмо в жанре доноса, написанное дирижером Альфредом Жюрайтисом в защиту нашего национального достояния — «Пиковой дамы». Будь это в другие времена, авторы «крамольной версии» сгнули бы навечно. А тогда Юрий Любимов весьма потешался над призывом: «Руки прочь от поэмы Пушкина!» — и благодарил доносчиков за литературоведческое открытие. Скандал приобрел культурно-политический пафос, постановщикам было отказано в визе во Францию. Переписка Министерства культуры СССР и дирекции Гранд-Опера представляет собой любопытный образец неуклюжих маневров с претензией на дипломатию. Париж так и не увидел новой «Пиковой дамы», но зато позже повезло зрителям Бонна и Карлсруэ, где Любимов возглавил оперный театр. А в 1997 году спектакль даже приезжал в Москву и игрался совместными силами Боннской оперы и Новой Оперы. Успех достиг вершину «Пиковой дамы» при жизни Шнитке.

Огонь и музыка

Альфред Шнитке — автор более двухсот произведений практически во всех музыкальных жанрах. Наиболее известны оперы «Жизнь с идиотом» (по рассказу Виктора Ерофеева), где в премьерном спектакле главный герой Вова пел в портретном гриме Ленина, «Джезуальдо», «Доктор Фаустус», балеты «Пер Гюнт» по драме Г.Ибсена, «Эскизы» по повестям Н.Гоголя, «Желтый звук» по либретто Василия Кандинского. Среди музыкантов совершенно особым отношением пользуются его инструментальные концерты. А публика не всегда даже отдает себе отчет, как часто она соприкасалась с музыкой Шнитке в театрах, кино и на телевидении.

Например, психоделический, ни на что не похожий норштейновский мультфильм «Ежик в тумане» обязан своим захватывающим сюрреализмом музыке Шнитке. Им написаны «Шаги командора» в «Каменном госте» и пронзительная песня Мэри из «Пира во время чумы» в «Маленьких трагедиях» Швейцера.

Большой период жизни композитора связан с театром на Таганке. Гоголевский гротеск и обаяние юмора прилились в пору композиторскому стилю Шнитке, когда он писал музыку к спектаклю «Ревизская сказка». Он обладал каким-то нездешним благородством, широтой натуры, великодушием и бескорыстием. Мог пригласить для совместной работы соавторшей по композиторскому цеху Софью Губайдулину и Эдуарда Артемьева, не боясь поделиться с ними лаврами, как это произошло в работе над музыкой к фильму Элема Климова и Ларисы Шепитко «Прощание». Мог честно и деликатно отказаться вторгаться в работу над спектаклем «Владимир Высоцкий», несмотря на настойчивые просьбы Любимова сцентировать музыкальную канву представления. «Это

мир Володи», — твердо сказал Альфред Гарриевич и больше на эту тему не разговаривал.

Любимов ставил спектакль «Живаго» и, зная, что Шнитке раньше работал над музыкальным эквивалентом «Стихотворений Юрия Живаго», попросил дать эти фрагменты в спектакль. Шнитке отрицания тем, что ему «не удалось передать гениальной простоты поэзии Пастернака», мотивируя этот акт творческого отрицания тем, что «не удалось передать гениальной простоты поэзии Пастернака». Стихия музыки слилась со стихией огня. Так что в работе над «Живаго», имеющим на Таганке вид настоящей современной оперы, композитор и театр начали с нуля, когда Шнитке был уже сильно болен.

Так красиво, что даже сладко

Очень многие артисты и художники, имевшие дело с Альфредом Гарриевичем, признавали за ним, обладателем мощного интеллекта, глубокого и философского дара, удивительное чувство юмора. Юрий Башмет, добившийся от Шнитке концерта для альты (посвященный альтисту, он остается уникальным по красоте и вдохновенности произведением) вспоминал, как композитор, лишенный почтения к своему детищу, буквально катался от смеха со словами: «Я так красиво тебе написал, что даже сладко». У Башмета есть примета: все композиторы, писавшие для его

альта, роковым образом заболевали. Кажется, только Гия Канчели избежал этого малоприятного правила.

Хореограф Джон Ноймайер работал со Шнитке над балетом «Пер Гюнт», поставленным им в Гамбургской опере, использовал музыку его «Concerto Grosso» в балете «Отелло», обращался к Шнитке в спектаклях «Трамвай «Желание» и «Медея». Ноймайер вспоминал: «После того, как я прослушал много музыки Шнитке, я почувствовал, что у нас близкие взгляды на жизнь. Альфред — удивительный человек, очень серьезный и одновременно с хорошим чувством юмора. Поразительно, мы не так уж много разговаривали, но очень хорошо понимали друг друга».

Я нашел ответ

Альфред Шнитке был почетным членом множества престижных научных и музыкальных учреждений: Баварской академии изящных искусств, Шведской королевской академии музыки, Венского хорового общества, академий в Иене, Гамбурге, Саксен-Анхальте. Награжден Императорской премией в Японии, немецкой премией имени Баха, премией российского фонда «Триумф», одним из высших орденов ФРГ — Большим Крестом со звездой. В 1990 году Шнитке выдвинули на Ленинскую премию, но он публично отказался от участия в конкурсе, заявив, что в случае присуждения ему премии не сможет принять ее по идейным соображениям.

После четырех инсультов, нарушения движения и потери речи, композитор написал в 1997 свою последнюю — Девятую симфонию. В 1998 году на присуждении Альфреду Шнитке Большого русского приза и Международной премии «СЛАВА/GLORIA» она была впервые исполнена Симфонической капеллой России. Дирижировал Геннадий Рождественский, «расшифровавший» партитуру и воссоздавший авторский замысел по рукописи, испещренной нотными знаками, выводимыми неверной рукой гения. Шнитке благословил Рождественского на первое исполнение и посвятил ему эту симфонию. Число «9» оказывалось роковым для многих композиторов. Но мыслитель и интеллектуал Альфред Шнитке не обращал на это внимания. Он озвучил формулу совершенства, когда сказал: «Я нашел ответ, когда понял, что нет ответа».

Башмет Альфред Шнитке